

Зариф Валиуллин

Меня и Мишу Девятаева сдружила одна заветная мечта-научиться водить белые пароходы по рекам и озерам. Оба поступили в Казанский речной техникум.

До войны Девятаев успел закончить еще и авиаучилище. Голубая высь манила его больше, чем речная. Мише очень потом пригодилась его «небесная специальность».

Я же речной техникум не закончил. Другая романтика поманила меня - поступил в Московское училище имени Баумана на артиллерийский факультет. Конкурс был большой, до 20 человек на место. Я прошел через него, не споткнувшись, ведь школу закончил отлично. Так как я по национальности татарин, поэтому русский язык давался не легко. Зато легко давался немецкий, который очень пригодился в годы войны.

В 39-м меня мобилизовали в армию, и уже в конце 39-го я участвовал в финской войне...

В то утро 22 июня 41 года я дежурил на конюшне. Это было в селе Куровичи Львовской области, куда перевели артполк, в котором я служил. Над селом начали летать немецкие самолеты. Я доложил об этом дежурному офицеру. Была объявлена тревога. Начиналась война....

- При отступлении мы несли большие потери, что было большой неожиданностью. Вражеская авиация свирепствовала, беспощадно бомбила.

В начале августа мне пришлось участвовать в тяжелых боях под Уманью. И снова отступление к селу Подвысокое Кировоградской области. Здесь сосредоточилось много войск. Недалеко от села мы были окружены немцами. Каждую ночь и каждый день шли ожесточенные бои. Наконец начали выходить из окружения. Многие погибли. В ночном бою я был ранен и контужен. Утром очнулся на кукурузном поле среди убитых и

раненых. Слышалась немецкая речь. Фашисты загнали пленных в скотный двор и продержали в нем несколько дней, а потом погнали, как скотину, в город Умань. Нас гнали в “Уманскую яму”, где раньше был кирпичный завод. Глубина ямы 10 метров, площадь 4-5 гектаров. Совершить побег отсюда невозможно. Нас почти не кормили. Воду пили из луж. Людей было в яме, как червей в банке. Каждый день умирали сотнями.

“Уманская яма” - концлагерь на украинской земле. Эта “фабрика смерти” начала работать с августа 41-го. Люди находились под открытым небом, лишь тяжело больные под навесами, где раньше сушился кирпич. Лагерь рассчитан на 6-7 тысяч человек, а содержалось в нем 74 тысячи.

Пищу готовили в железных бочках. “Кухни” могли обеспечивать лишь две тысячи человек. Одну буханку так называемого хлеба давали на шесть человек. Люди умирали от болезней, ран и голода. К тому же фашисты бесцеремненно расстреливали их в течении всего дня. И кощунственно пытались продемонстрировать миру свое лояльное отношение к пленным. Однажды начали снимать фильм во время раздачи хлеба. Голодные хлынули со всех сторон. Начался беспорядок, и немцы открыли стрельбу...

Из «Уманской ямы» пленных угоняли колоннами. Я попал в ту, что отправляли в Германию. На вторые сутки группа в полсотни человек совершила побег. Пленные разбежались в разные стороны. В их числе был и я. Днем скрывался у местных жителей, а по ночам пробирался в сторону Киева, чтобы присоединиться к нашим войскам. В дороге дважды болел. У одной старушки задержался около 10 дней. А Киев был уже занят немцами. Пришлось зимовать в селе Ненадихе у людей, чьи сыновья служили в Красной армии. Весной собирался продолжить путь на восток. Но ночью попал под немецкую облаву. И снова – плен.

По дороге в Германию во время остановки поезда я вместе с такими же пленными снова бежал. И опять пошел в сторону Киева, надеясь встретить партизан и присоединиться к ним. Но свобода была недолгой. На четвертые сутки наткнулись на автомашины с немцами. После допросов – путь в Германию.

- Я попал в Город Дессау. Туда же направили много женщин. На нашу одежду прикрепили нашивки «OST». Мужские и женские лагеря были огорожены колючей проволокой, но охрана не очень сильная. Мужчин гоняли на погрузо-разгрузочные работы, женщин - на заводы. Кормили плохо. Меня не покидала мысль о новом побеге...

И это удалось в третий раз, я убежал вместе с Володей, фамилию которого не запомнил. Забрались в товарняк, который вез автомашины на Восток. Но через пол суток нас обнаружили немецкие охранники, сильно избили и отправили в тюрьму. Это было в Польше. Из тюрьмы через Берлин - в концлагерь «Заксенхаузен», который находился под особым контролем Гиммлера.

В лагере нас сначала сильно избили и подержали на площади под охраной около десяти часов. Потом переодели в полосатую одежду с номерами и красными треугольниками. Вместо обуви – деревянные колодки. Мой номер 457351.

Через две - три недели перевели в другой барак и по утрам стали гонять на работу недалеко от основного лагеря. И там сильно избивали. Возвращались в барак вечером. Однажды один из заключенных спрятался под кирпичами, видимо, рассчитывая сбежать. Его нашли и повесили на площади.

Группу из 25 узников немцы решили отправить в штрафной лагерь (и в аду есть сверхад!). накануне их избили в специальной комнате. Руки и ноги закладывали в станок, рот завязывали и до 30 раз били проволочно-резиновым шлангом. После бросали на цементный пол и обливали

холодной и горячей водой. Тех, кто не мог подняться добивали и отправляли в крематорий, который работал день и ночь. В бессознательном состоянии меня тоже отправили в крематорий. В крематории в печь живых и полуживых бросали тоже военнопленные. Перед самой отправкой в печь я открыл глаза и меня узнал однокурсник по Московскому училищ. Его поставили на работу бросать в крематорий мертвых и полуживых. Меня оттащили от печи и дали одежду с другим номером, и я стал Камский Петр Набиуллоевич. С таким именем и фамилией я вернулся с войны и поступил в медицинский институт.

Зимой 43-го в составе 600 человек я попал в Дуйсбург на погрузочные работы после бомбежки английской авиации, а весной в закрытых вагонах нас повезли во Францию. Здесь судами перевезли на маленький остров Олдерни (Alderney) в проливе Ла-Манш, в 25 километрах от Франции. На острове я значился под новым номером – 17682.

Узники подчинялись теперь большому концлагерю “Нойегама”. На остров привезли еще 600 человек из концлагерей. В основном здесь содержались русские, но были и немцы-коммунисты, голландцы, французы, чехи и поляки. Все они строили оборонительные сооружения. От тяжелой работы, болезней и голода, половина русских пленных погибла.

6 июня 44-го года после операции “Оверлорд” нас ночью погрузили на пароход и вывезли в Нормандию, чтобы отправить отсюда в Германию. Никто не знал, что нас ждет. Может, крематорий? Я снова подумал о побеге. И он удался. В четвертый раз!

Это произошло на полустанке во время остановки поезда. Была сильная жара. Узников вывели из вагонов и приказали лечь в тени под вагоны. По соседнему пути изредка проходили составы. Этим мы и воспользовались. Я с двумя товарищами перебежали путь перед поездом и скрылись в лесу, благо до леса было всего 50 метров. Немцы нас заметили и начали стрелять

из под вагонов движущегося поезда. Одна пуля попала в плечо. В лесу все трое побежали в разные стороны, и я услышал лай собак и звуки выстрелов. Через несколько минут бега я выдохся и решил залезть на дерево, к счастью, в это время пошел сильный ливень и он сбил собак с пути.

Я побежал дальше, и через несколько километров лес закончился и я вышел на поле, где стояли копна сена. Я спрятался в нее. Вскоре появились немцы. Они шли и простреливая каждую копну и наконец подошли к моей. Я не был верующим, но в этот страшный момент я первый раз в жизни обратился к Всевышнему: "Аллах, если ты есть, то спаси меня!".

Немцы между собой разговаривали, а я очень хорошо знал и понимал немецкий язык. Из разговора я узнал, что немцы доложат своему начальству, что всех троих расстреляли. Так они развернулись и ушли. Я просидел в копне до поздней ночи, и в темноте перебрался в крестьянский двор. Нашел рабочую одежду, переоделся и пошел проселочными дорогами. Очень хотелось есть и болела рана. Рискнул зайти к фермеру-французу. Кое-как объяснил, что я русский, бежал из концлагеря. Хозяева оказались добрыми людьми: накормили, перевязали, дали лучшую одежду. Потом пришел переводчик, русский эмигрант по фамилии Федоров - бывший русский переводчик царского правительства в Японии, который и объяснил, как идти дальше, чтобы не наткнуться на немцев. По совету Федорова я зашел еще к одному французскому фермеру Петро Диляно.

Его зять Мишель Габло как раз вернулся из фашистского плена, немного знал немецкий язык. Тут и пригодился мне школьные знания: француз и русский-татарин объяснялись на немецком языке. У нового хозяина я прожил до окончания войны, помогая ему в работе. К этому моменту я весил 41 килограмм.

Петро Диляно 4 раза свозил меня в Париж и купил костюм. Петро предлагал мне остаться во Франции, но я не согласился, так как очень любил свою

Родину...И мне хотелось поскорей увидеть свои родные края...Провожать меня приехал русский переводчик Федоров. С собой он взял шкатулку с российской землей и сказал мне: “Как приедешь, поклонись матушке России и поцелуй землю от моего имени”.

Я сдержал просьбу Федорова, но поклонился и поцеловал землю не только от него, но и от себя...

Память о прошлом не дает покоя. Ведь жизнь начиналась так заманчиво, с белого парохода, о котором мечтали мы с другом Мишей Девятаевым. Мы встретились с ним после войны, и он подарил свою книгу «Побег из Ада». Это был легендарный подвиг летчика Девятаева и еще 9 узников, совершивших побег из концлагеря на немецком самолете ”Хейнкель -III“. Миша сделал дарственную надпись: “Однокашнику с одинаковой судьбой по фашистским лагерям”. Прочитав книгу, я добавил свою надпись: ”Здесь описана ужасно мучительная жизнь в концлагере ”Заксенхаузен“ узника Девятаева. Такая же судьба выпала и на мою долю в этом же лагере“.

А про себя подумал: может быть, белый пароход – это наш с Мишей Ангел-Хранитель, подаривший нам вторую жизнь?